

Интервью с вампиром
Вампир Лестат
Царица Проклятых
История Похитителя Тел

Энн
Райс

ИСТОРИЯ
ПОХИТИТЕЛЯ
ТЕЛ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
P 18

Anne Rice
THE TALE OF THE BODY THIEF
Copyright © 1992 by Anne O'Brien Rice
and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Ильиной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-18938-6

© Е. Ю. Ильина, перевод, 2002
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Вновь с вами Вампир Лестат. Я расскажу вам о том, что со мной произошло.

Все началось в Майами в 1990 году. С этого времени начну свое повествование и я. Но прежде необходимо упомянуть о снах, которые приходили ко мне чуть раньше, ибо им отведена немалая роль в моем рассказе. Это сны о маленькой девочке-вампире с умом зрелой женщины и лицом ангела и о моем смертном друге Дэвиде Тальботе.

Снилось мне и смертное детство во Франции — зимние снега, холодный полуразрушенный отцовский замок в Оверни, тот день, когда я отправился охотиться на волков, нападавших на нашу бедную деревню.

Сны могут быть так же реальны, как и жизнь, хотя, возможно, мне лишь впоследствии так казалось.

Когда начались эти сны, я пребывал в мрачном настроении: вампир-скиталец, бродяжничающий по всему свету, иногда покрытый таким слоем пыли, что никто не обращал на меня ни малейшего внимания. И что проку в том, что мои прекрасные светлые волосы оставались по-прежнему густыми, глаза — пронзительно синими, а улыбка — неотразимой, в том, что я великолепно одевался, а хорошо сложенное тело шести футов ростом, невзирая на двухвековой

возраст, все еще выглядело двадцатилетним. Как истинное дитя восемнадцатого века — а именно в этом столетии я жил до Рождения во Тьму, — я всегда сохранял трезвость рассудка.

Но восьмидесятые годы двадцатого столетия близились к концу, и я был уже мало похож на того лихого отпрыска старого вампира, который хранил верность классическому черному плащу и брюссельским кружевам, на джентльмена в белых перчатках и с тростью, танцующего в свете газовой лампы.

Пережив немало страданий и испытав мгновения триумфа, а также благодаря немалому количеству крови древнейших вампиров, я превратился в своеобразного Темного бога. Обретенная сила смущала меня и даже пугала, а иногда мои невероятные возможности почему-то вызывали в душе печаль.

Например, я мог усилием воли подняться высоко в воздух и вместе с ветром совершать дальние путешествия так же легко, как дух. Усилием разума я мог двигать и уничтожать предметы. Достаточно было одного моего желания, чтобы в любой момент вспыхнул огонь. Сверхъестественный голос позволял мне обращаться к бессмертным из других стран и даже с иных континентов. Мне не составляло труда читать мысли вампиров и людей.

Вам кажется, что это совсем даже неплохо? Мне же было противно. Без сомнения, я оплакивал свои прежние ипостаси — смертного юношу, новорожденного призрака, намеренного стать как можно более плохим, коль скоро таково его предназначение.

Поймите, я не прагматик. У меня чуткая и беспощадная совесть. Я мог бы стать хорошим парнем. Может быть, иногда я такой и есть. Но я всегда оставался человеком действия. Скорбь — равно как и страх — пустая трата времени. И как только я за-

вершу свое вступление, в книге начнется именно действие.

Помните, что начинать книгу всегда очень сложно, большинство вступлений отмечено налетом искусственности. То были самые счастливые времена и самые тяжелые — да ну? И когда же? Кстати, и все счастливые семьи не похожи одна на другую — даже Толстой, должно быть, это осознавал. Мне не удастся отделаться чем-нибудь вроде: «В начале...» или «В полдень я упал с телеги с сеном...» — иначе я бы так и написал. Поверьте, если есть хоть малейшая возможность, я всегда выхожу сухим из воды. Как сказал Набоков устами Гумберта Гумберта, «можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы». Может быть, «затейливая» в данном случае означает «экспериментальная»? О том, что мой стиль чувствен, цветист и сочен, я, конечно же, знаю — достаточно критиков сообщили мне об этом.

Увы, но я привык все делать по-своему. И обещаю вам, что мы доберемся до начала, если, конечно, в этих словах нет противоречия.

Прежде всего я должен признаться, что до того, как произошли описываемые ниже события, я горевал о других бессмертных, которых знал и любил и которые давным-давно покинули наше последнее общее пристанище конца двадцатого века. Безрасудно думать, что мы собирались создать новую общину. Все они один за другим исчезли во времени и пространстве — такова была неизбежность.

Вампиры не питают особенной любви к себе подобным, хотя и отчаянно нуждаются в бессмертных спутниках.

Именно из такой необходимости я создал своих отпрысков — Луи де Пон-дю-Лака, который в девятнадцатом веке стал моим терпеливым и зачастую

любящим товарищем, а с его нечаянной помощью — прекрасную, но обреченную Клодию, вампира-дитя. И теперь, в конце двадцатого века, Луи остается единственным бессмертным, с которым я часто встречаюсь после своих одиноких ночных странствий. Он самый человечный из всех нас, наименее похожий на бога.

Его скромное убежище на заброшенной окраине Нового Орлеана я никогда не оставлял надолго. Вы сами сможете в этом убедиться, когда придет время. Луи также участник этой истории.

Но о других бессмертных здесь говорится очень мало. Практически ничего.

За исключением Клодии, которая снилась мне все чаще и чаще. Позвольте мне объяснить: Клодию уничтожили более ста лет назад, но я постоянно ощущал ее присутствие, как если бы она всегда находилась рядом.

В 1794 году я превратил умирающую сиротку в маленького пухленького вампира, и через шестьдесят лет она восстала против меня: «Я положу тебя в гроб, отец. Но ты уже никогда не встанешь».

Я тогда действительно спал в гробу. И все происходило в духе того времени: жуткая попытка убийства, приманка в виде отравленных смертных жертв, чтобы замутить мой рассудок, ножи, врезающиеся в мою белую плоть, и окончательное избавление от кажущегося безжизненным тела в зловонном болоте за пределами тускло освещенного Нового Орлеана.

Ничего не получилось. Существует очень мало верных способов разделаться с бессмертным: солнце, огонь... Необходимо стремиться к полному уничтожению. И в конце концов, ведь речь здесь идет о Вампире Лестате.

Клодия поплатилась за свое преступление: она была казнена злодеями из общины вампиров, прекрасно устроившихся в самом сердце Парижа, в печально известном Театре вампиров. Превратив в кровопийцу столь юное дитя, я нарушил законы, и уже по одной только этой причине парижские монстры стремились ее уничтожить. К тому же и она в свою очередь нарушила их закон, подняв руку на своего создателя, — ее проступок, если можно так выразиться, послужил логическим обоснованием приговора: Клодию оставили на солнце, безжалостные лучи которого превратили ее в пепел.

На мой взгляд, это чертовски неудобный способ казни, потому что палачи вынуждены спешно вернуться к своим гробам и даже не имеют возможности стать свидетелями того, как солнце исполняет их жестокую волю. Но они поступили именно так с изысканным, нежным существом, которое я создал из грязной, оборванной беспризорницы, найденной в лачуге испанской колонии Нового Света, наполнив ее вампирской кровью, чтобы сделать своим другом, ученицей, возлюбленной, музой и товарищем по охоте. И к тому же еще своей дочерью.

Если вы читали «Интервью с вампиром», то вам известны все подробности. Это история нашей совместной жизни в интерпретации Луи. Он повествует о своей любви к нашему общему ребенку и о мести тем, кто ее уничтожил.

Если же вы прочли и мои автобиографические книги, «Вампир Лестат» и «Царица Проклятых», то вы и обо мне все знаете. Вы узнали нашу историю, если она чего-то стоит — а любая история стоит не слишком много, — узнали о том, как мы появились тысячи лет назад, как мы размножаемся, аккуратно

передавая Темную Кровь тем смертным, которых считаем достойными сопровождать нас на Пути Дьявола.

Но чтобы понять то, о чем пойдет речь в этом повествовании, вам нет необходимости читать предыдущие книги. Здесь вы не встретите и многочисленных персонажей «Царицы Проклятых». Ни на секунду западная цивилизация не окажется на краю пропасти. Никаких разоблачений из далекого прошлого, никаких древнейших, приоткрывающих свои тайны лишь наполовину, говорящих исключительно загадками и обещающих ответы, которых нет и никогда не существовало.

Нет, все это осталось в прошлом.

Это книга о нашем времени. Она, безусловно, является одной из частей «Вампирских хроник», и об этом забывать не следует. Но это первый по-настоящему современный роман, поскольку ужасающая абсурдность существования с самого начала принимается здесь как должное и исследованию подвергаются разум и душа героя — кто он, как вы думаете? — и те открытия и выводы, которые ему предстоит сделать.

Читайте эту повесть, и на ее страницах я поведаю вам обо всем, что вам необходимо знать о нас. Кстати, разного рода событий и приключений здесь будет немало! Я, как уже сказано, человек действия — вампирский Джеймс Бонд, если вам угодно, которого все без исключения остальные бессмертные называют не иначе как «принц-паршивец», «истинно дьявольское создание» и «ты, чудовище».

Другие бессмертные, конечно, живы до сих пор — Маарет и Мекаре, древнейшие из нашего рода, Хайман из Первого Поколения, Эрик, Сантино, Пандора и другие, которых мы называем Детями Тысячелетий. Где-то бродит Арман, очаровательный пятисот-

летний юноша, который когда-то возглавлял Театр вампиров, а до этого — сообщество вампиров-дьяволопоклонников, поселившихся в недрах кладбища Невинных мучеников. Надеюсь, Арман всегда будет неподалеку.

И Габриэль, моя смертная мать и бессмертное дитя, не пройдет и тысячи лет, непременно появится как-нибудь темной ночью — если повезет.

Что касается Мариуса, моего старого учителя и наставника, хранителя истории и тайн нашего племени, он до сих пор здесь и никогда не исчезнет. Время от времени он приходил ко мне то с просьбами, то с угрозами, но суть и тех и других всегда оставалась одной и той же: неужели я никогда не прекращу свои неосторожные убийства, которые неизменно попадают на страницы газет? неужели я не перестану с упорством дьявола осаждать своего смертного друга Дэвида Тальбота, искушая его Темным Даром? разве я не знаю, что бессмертных в мире уже вполне достаточно?

Законы, законы, законы... В результате все сводится к законам. А я люблю преступать любые законы, так же как смертные любят разбить бокал о каминную доску, произнеся тост.

А теперь позвольте подробнее рассказать о снах, беспокоивших меня в моих странствиях.

Призрак Клодии преследовал меня постоянно. Каждый раз, закрывая глаза на рассвете, я видел ее лицо, слышал ее тихий, но настойчивый шепот. Иногда я ускользал в воспоминания: маленькая колониальная больница, ряды кроваток, на одной из которых умирает девочка-сирота.

А вот и печальный, чувствующий себя совершенно беспомощным старый доктор с брюшком, поднимающий тело ребенка. И откуда-то доносится плач.

Кто же плачет? Клодия не плакала. Она спала, когда доктор передал ее мне, приняв за смертного отца этого несчастного ребенка. Во сне она такая хорошенькая. Была ли она действительно такой хорошенькой тогда? Конечно.

«Вы вырвали меня из смертных рук, как два чудовища из страшной сказки, — вы, бесполезные и ничего не понимающие родители!»

Дэвид Тальбот приснился мне только однажды.

Во сне он молод и пробирается через лес мангровых деревьев. Это не мой семидесятичетырехлетний друг, терпеливый смертный ученый, который регулярно отвергает мое предложение принять Темный Дар, но в знак доверия и привязанности, не дрогнув, касается моей холодной плоти теплой хрупкой рукой.

Нет. Это молодой Дэвид Тальбот, каким он был многие годы назад, когда сердце не билось в его груди столь быстро. Но он в опасности.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах¹.

Чей голос шепчет эти слова — мой или его?

И вот он возникает из пятнистого полумрака — рыжие и черные полосы, словно свет и тень, он почти неразличим. Я вижу его огромную голову и удивительно мягкую морду, белую, с длинными тонкими усами. Но эти желтые глаза... узенькие щелочки, исполненные страшной, бессмысленной жестокости. Дэвид, а его клыки! Неужели ты их не видишь?

Но он с детским любопытством наблюдает, как большой розовый язык касается его горла, тонкой

---

¹ Из стихотворения В. Блейка «Тигр» (перевод К. Бальмонта).

золотой цепи, охватывающей шею. Он что, пожирает цепь? Господи, Дэвид! Клыки!

Почему слова застревают у меня в груди? Неужели и я оказался в мангровом лесу? Я пытаюсь пошевелиться, и все тело мое сотрясается от бесплодных усилий, сомкнутые губы пропускают лишь глухие стоны, и каждый из них дается мне с величайшим трудом. Дэвид, осторожно!

А потом я вижу, как он опускается на одно колено и вскидывает к плечу длинное сверкающее ружье. Гигантская кошка близко, она устремляется к нему, но выстрел заставляет ее остановиться, а после второго она падает как подкошенная... желтые глаза горят яростью, лапы скребут мягкую землю, и зверь испускает последний вздох.

Я просыпаюсь.

Что означает этот сон? Мой смертный друг в опасности? Или кончился завод — его генетические часы готовы вот-вот остановиться? В семьдесят четыре года смерть может наступить в любой момент.

Стоит мне вспомнить Дэвида, и тут же возникает мысль о смерти.

Дэвид, где ты?

«Один, два, три, четыре, пять, англичанина чую опять».

«Вы хотите получить Темный Дар? — спросил я при нашей первой встрече. — Я не говорю, что когда-нибудь вы от меня его получите. Скорее всего, нет. Но вы хотите? Если бы я согласился, вы бы его приняли».

Мне так хотелось, чтобы он попросил. Он не сделал этого, и никогда не сделает. И теперь я его любил. Я встретился с ним вскоре после того, как мне приснился сон, — мне это было необходимо. Но сон я забыть не мог, и, возможно, он еще не раз приходил ко

ЭНН РАЙС

мне в часы глубочайшего дневного забвения, когда под покровом тьмы я был холоден, беспомощен и недвижим, как камень.

Ну что ж, теперь вам известно о моих снах.

А теперь вновь представьте себе Францию зимой, снежные сугробы вокруг крепостных стен, освещенного горящим в очаге огнем смертного молодого человека, который вместе со своими охотничьими собаками спит на соломе. Эта картина гораздо точнее символизирует мою смертную жизнь, чем любое воспоминание о парижском театре, где незадолго до революции я был счастливым юным актером.

Вот теперь можно начинать. Если вы не против, давайте перевернем страницу.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВИЗАНТИЮ

Тут старых нет. Здесь молодость живет
В объятиях друг друга. Птичья трель —
Песнь поколений, их в века исход.
В протоках лосось и в морях макрель —
Все славит лето: рыба, птица, скот,
Зачатье, зарожденье, колыбель, —
Всяк в любово-страстном гимне пренебрег
Всем, что бессмертный интеллект сберег.

Как ветошь, пережившая свой срок,
Стареющий ничтожен. Свой же он,
Душой рукоплеща, — свой каждый клоч
Уступит песне смертный балахон.
Но нет уроков пеня — есть урок
Наследия блистательных времен.
А посему моря я переплыл
И в Византию вещь уступил.

Покинь, мудрец, божественный огонь,
Как на золотой мозаике стены,
Покинь святой огонь и струны тронь,
Душой моею сладив дрожь струны,
В стареющем животном урезонь
Боль сердца, в коем страсти вмещены.
Оно тебя не знает. Посему
Мне вечность подари — но не ему.

Природой созданный — я не искал
Себя в ее подобьях воплотить, —
Пусть эллин бы искусный отковал,
Из мысли в золото с эмалью слить,
Дабы сонливый государь не спал,
И с ветки золотой напевы длить
Для византийских барынь и господ
О том, что было, есть и что грядет.

У. Б. Йейтс
Перевод А. Эннеля

Глава 1

Майами — город вампиров. Саут-Бич на закате, согретый ласкающим теплом совсем не зимней зимы, чистый, цветущий, утопающий в электрическом свете; умиротворенное море овеивает нежным бризом темную береговую полосу кремового песка и остужает гладкие широкие мостовые, заполненные счастливыми смертными.

На фоне транспортного шума и гула людских голосов важно шествуют современные юнцы, с трогательной вульгарностью поигрывающие натренированными мускулами, и молоденькие женщины, исполненные гордости за свои гладкие бесполые модные бедра.

Старые гостиницы с оштукатуренными стенами, когда-то второсортные прибежища престарелых, теперь обрели новую жизнь, окрасились в модные пастельные цвета и сияют элегантными неоновыми вывесками. В ресторанах под открытым небом на столах с белыми скатертями мерцают свечи. По бульварам медленно ползут большие сверкающие американские машины, в то время как их водители и пассажиры любуются ослепительным людским потоком; иногда пешеходы полностью заполняют проезжую часть, не позволяя автомобилям двигаться дальше.

На далеком горизонте огромные белые облака под безграничным звездным небом похожи на вздымающиеся горы. При виде лениво, но неустанно изме-

нящегося южного неба, залитого лазурным светом, у меня всегда перехватывает дух.

На севере во всей своей красе возвышаются башни нового Майами-Бич. На юге и на западе — ослепительные стальные небоскребы центральных районов, ревущие шоссе и кипящие жизнью причалы для круизных теплоходов. Искрящиеся воды великого множества городских каналов рассекают маленькие катера.

В тихих, безупречно ухоженных садах Корал-Гейблз бесчисленные фонари озаряют ярким светом красивые просторные виллы, крытые красной черепицей, мерцающие и переливающиеся бирюзой бассейны. В величественных темных комнатах «Билтмора» бродят призраки. Массивные мангровые деревья раскидывают свои ветви над широкими чистыми улицами.

В Коконат-Гроув покупатели со всего мира наводняют шикарные отели и модные магазины. В вышине на балконах стеклянных кондоминиумов обнимаются парочки, они любуются красотой ночи, и их силуэты четко вырисовываются над спокойными водами залива. По шумным дорогам мимо танцующих пальм и нежных тропических деревьев, мимо приземистых бетонных особняков за узорчатыми железными воротами в обрамлении красных и фиолетовых бугенвиллей мчатся автомобили.

Все это Майами — город воды, скорости, тропических цветов, необъятных небес. Именно ради Майами я чаще всего покидаю свой дом в Новом Орлеане. В огромных плотнонаселенных районах Майами живут люди разных национальностей и разных цветов кожи. Здесь можно услышать идиш, иврит, языки Испании, Гаити, диалекты и наречия всей Латинской Америки. Однако за сверкающим фасадом Майами,

за ровным биением сердца большого города скрываются угроза и отчаяние, пульсирует алчность, постоянно присутствует риск — он напоминает неслышно, но эффективно работающую молотилку.

В Майами никогда не бывает по-настоящему темно. Никогда не бывает по-настоящему тихо.

Для вампира это идеальный город: он всегда предоставляет мне смертного убийцу — зловещий образчик извращенной совести, который дарит мне дюжину собственных убийств, пока я опустошаю его вены и банк его памяти.

Но сегодня идет Большая Охота, внеочередная пасхальная трапеза после Великого поста — я надеюсь заполучить великолепный человеческий трофей, описание ужасного *modus operandi* которого занимает множество страниц в компьютерных файлах смертных блюстителей закона, безымянное существо, кого восхищенная пресса окрестила «Душителем с задворок».

Я вождедею таких убийц!

Как мне повезло, что подобная знаменитость всплыла на поверхность в моем любимом городе. Какое счастье, что он уже нанес шесть ударов на этих самых улицах — убийца стариков и калек, которые в огромных количествах съезжаются сюда, чтобы провести остаток дней в теплом климате. Ах, я бы пересек континент, чтобы перехватить его, а он ждет меня здесь. К его мрачной истории, во всех подробностях описанной по меньшей мере двадцатью криминологами — я без труда похитил ее через компьютер в своем новоорлеанском убежище, — я втайне добавил самые главные элементы: его имя и смертный адрес. Для Темного бога, способного читать мысли, это не составило труда. Я нашел его по пропитанным кровью снам. И сегодня я получаю удоволь-

ствие, без проблеска угрызений совести окончив его блистательную карьеру в своих темных жестоких объятиях.

О Майами! Идеальное место для маленькой игры страстей.

Я всегда возвращаюсь в Майами, как возвращаюсь в Новый Орлеан. Сейчас я единственный из бессмертных, кто охотится в этом славном уголке Сада Зла, ибо, как вы уже поняли, местный дом общины давно опустел — ни я, ни остальные не в силах были и далее оставаться вместе.

Неизмеримо лучше получить Майами в полное свое распоряжение!

Стоя у окна в номере, который снимал в модном отельчике под названием «Сентрал-Парк» на Оушн-драйв, я время от времени пускал в ход свои сверхъестественные способности и прислушивался к тому, что происходило в соседних комнатах, где богатые туристы наслаждались уединением по высшему разряду — полным покоем всего в нескольких шагах от оживленной улицы, в данный момент заменявшей мне Елисейские Поля или виа Венето.

Мой Душитель был уже почти готов оставить царство судорожных и обрывочных видений и выйти в мир реальных смертей. Мужчине моей мечты пора одеваться.

Покопавшись в только что открытых картонных коробках, чемоданах и ящиках, где, по обыкновению, царил полнейший беспорядок, я выбрал серый бархатный костюм — такие костюмы всегда нравились мне больше других, особенно если ткань достаточно плотная и не слишком блестит. Не самый, надо признаться, подходящий наряд для летней ночи, но ведь я не ощущаю жару или холод так, как смертные. А пиджак был тонкий, с небольшими отворотами, точно подогнанный по фигуре и приталенный;

Райс Э.

Р 18 История Похитителя Тел : роман / Энн Райс ; пер. с англ. Е. Ильиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 608 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-18938-6

Как мучительно одиночество! Мир неожиданно предстает совершенно иным, и даже в душу бесстрашного и неотразимого Принца Тьмы, вампира Лестата, закрадываются сомнения. Он начинает ненавидеть себя, свою бессмертную сущность, его выматывают ночные кошмары, земная карьера звезды рок-музыки заброшена окончательно, в этой жизни ему уже ничего больше не нужно. И тут на его пути появляется загадочный Похититель Тел и предлагает вампиру на время обменяться телами...

Первый роман писательницы «Интервью с вампиром», положивший начало циклу «Вампирских хроник», в который входит и «История Похитителя Тел», стал настоящим событием в мире литературы. Общий его тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

УДК 821.411(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЭНН РАЙС

ИСТОРИЯ ПОХИТИТЕЛЯ ТЕЛ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.02.2022. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 29,64.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABA-27621-01-R